

Посвящается Тейлору Хаггерти

Глава 1

Один из плюсов работы в офисе поселка для престарелых «Провиденс» — наличие живого отклика на мой внешний вид и стиль жизни, хочу я того или нет. (Не хочу.) Вот три вопроса, которые любят задавать постояльцы:

- Сколько тебе лет? (Двадцать пять.)
- У тебя есть бойфренд? (Нет.)
- А почему нет? (По разным причинам, ни одна из которых их не устроит.)

— Кроме бойфрендов, в жизни есть и другие радости, — как-то раз сказала я миссис Уиттакер, когда мы шли под ручку по мокрой от дождя дорожке к ее таунхаусу. — Лично я ни на что не жалуюсь. Мне нравится вам всем помогать.

— И то верно, Рути, милочка. Ты отличный работник, — ответила она. — Но бойфренды — очень приятная часть жизни. Однажды у меня было одновременно три бойфренда. — Она прошаркала в дом, ее трость звонко стучала по кафельной плитке. Мне показалось, что я ослышалась, но она бросила через плечо: — Впрочем, все трое были знакомы, так что никакой неловкости. О боже, как же я тогда вымоталась!

Ты куда красивее, чем я была в твои годы. Тогда почему ты этого не делаешь?

Я осталась стоять на пороге, борясь с желанием задать кое-какие вопросы, и самый главный из них: интересно как?

Похоже, миссис Уиттакер по-прежнему способна на более решительные действия, чем я, а ей уже семьдесят семь. Я потом много думала о нашем разговоре.

Пока Сильвия, моя начальница, в кризисе, я сижу за ее столом, лицом к двери, откуда открывается замечательный вид. Я занимаюсь отправкой электронной почты в ремонтную службу, одновременно пытаюсь обуздать волну меланхолии, традиционно накатывающую на меня в три часа дня. За моим столом сейчас Мелани Сасаки, временный секретарь. Она явно не сторонник концепции самоограничений, а потому у нее ланч в 10:30. И когда я открываю свой пакет с едой на перекус, то слышу, как у Мелани бурчит в животе.

В отчаянном порыве она нарушает молчание:

— Рути, я о тебе думала.

Лучше бы она этого не делала.

— Вот только закончу письмо в ремонтную службу, и мы поговорим.

Я знаю, что со стороны кажусь зажатой дурой, но, чтобы выжить ближайшие два месяца в качестве временного управляющего, я пытаюсь воплотить в жизнь политику соблюдения тишины. Когда Сильвия здесь, я никогда не разговариваю с ней, если она печатает. Или нажимает на ссылку. Или не заговаривает со мной первой.

Эх, я уже сто лет не была такой расслабленной!

Мелани, возможно, продолжит болтать даже под общей анестезией.

— Давай составим твой профиль на сайте знакомств.

Приходится нарушить собственное правило молчания.

— С чего ты взяла, что у меня его нет?

Все понятно: она меня дразнит. Обитатели «Провиденса», вообще-то, безжалостно прямолинейны со мной. Хотя всегда с наилучшими намерениями.

— У тебя даже нет аккаунта в Instagram. Похоже, ты не из тех, кто любит себя там выставлять. Или я ошибаюсь?

Не ошибается.

— Мел, дай мне закончить работу.

Час тишины — поднять щиты!

Я перефразирую запрос ремонтной службе с «где вас черти носят?» на более дипломатичное «согласно моему предыдущему письму». Мне остается разве что мастер-класс в YouTube на тему «Сделай сам».

Отправив письмо, я нахожу в Word документ под названием «РУТИ_ПРОФИЛЬ». Судя по дате, я не открывала его с прошлого года, когда в момент жуткого одиночества мне на тридцать секунд показалось, что знакомство по Интернету — это хорошая идея. А может, она и впрямь не так плоха? Вполне приемлемый черновик профиля на сайте знакомств, который поможет мне найти своего единственного. Если бы Мелани на меня не смотрела, я бы не стала особо вчитываться.

Я могу познакомить тебя со своими набожными родителями?

У меня очень старая душа (мне 24, а по ощущениям все 124). Я видела своими глазами только один пенис (мельком) и осталась не настолько впечатлена, чтобы мне захотелось увидеть еще один (хотя, может, и стоило). Ищу терпеливого, надежного, ласкового, сердечного друга, способного сказать, что мой кардиган застегнут не на те пуговицы. Я живу и работаю в поселке для престарелых. Если все так и дальше пойдет, я и сама выйду здесь на пенсию.

Ладно, единственное обновление к своему профилю, которое я могу сделать теперь, — мне двадцать пять лет, а по ощущениям все сто двадцать пять.

Мелани спрашивает совсем как нетерпеливый надсмотрщик:

— Ну что, ты закончила наконец?

Стерев все уличающие меня свидетельства, я отвечаю вопросом на вопрос:

— А как дела с новыми положениями для резидентов, которые ты обещала ввести в систему?

Мелани недовольно надувает губы:

— Не понимаю, почему ты не хочешь использовать мой истинный талант? Тот самый, что нельзя вставить в резюме. — Она делает театральную паузу для пущего эффекта. — У меня глаз алмаз, я сразу вижу, кто в кого влюблен. Если бы ты только знала, кто сидит напротив тебя, то двумя руками ухватила бы за такой шанс.

Когда кто-то настолько уверен в себе, устоять против искушения принять предложение совершенно невозможно.

— Ну у тебя действительно впечатляющее резюме.

Мелани вскидывает руки над головой:

— Знаешь, я веду жизнь временного работника. Хожу на разные работы, как на свидания, в поисках идеального варианта. И еще хожу на свидания со всеми парнями. А теперь ответь на вопрос, но только с ходу, не думая. Ты готова влюбиться?

— Да. — У меня не хватает духу сдержать это «да», и есть нечто унижительное в том, с каким энтузиазмом оно звучит.

Каждую ночь во время обхода территории я прохожу к ограждению с западной стороны «Провиденса» проверить, заперты ли на висячий замок роллеты, закрывающие мусорные контейнеры. Хотя отлично знаю, что никто не покушается на наш мусор. Затем я облокачиваюсь на ограждение из сетки-рабицы и смотрю на городские огни внизу. От осознания того, что мой ласковый сердечный друг сейчас может быть там, под лучами конкретного уличного фонаря, но я слишком труслива, чтобы отправиться на его поиски, сердце начинает ныть, точно больной зуб. Если срочно об этом не позаботиться, то, возможно, придется напрочь вырвать непослушное сердце.

Каждый вечер, когда я проверяю висячий замок, я гляжу на огни и прошу прощения у своего неизвестного друга.

Мелани смотрит на меня с таким неприкрытым сочувствием, что я отчаянно пытаюсь скрыть, сколько переживаний вкладываю в свое короткое «да».

— То есть я хочу сказать, каждый надеется найти...

— Ш-ш-ш! — повторяет Мелани до тех пор, пока мои попытки спасти лицо не иссякают. — Расслабься. Я тебе помогу.

За три недели, что Мел здесь работает, она сходила по крайней мере на четыре свидания; все в тапас-баре, который она называет «Клеткой». Перед каждым свиданием Мелани прикалывает шиньон в виде исключительно длинного черного конского хвоста, а затем заставляет меня проверить его со всех сторон. А еще она записывает детали каждого свидания на случай, если ее убьют. Неужели она хочет, чтобы я давала показания в полиции? Я не совсем уверена, насколько велика оказанная мне честь.

Я проверяю календарь. Мелани действительно работает здесь три недели. Может, на самом деле стоит воспользоваться удачной возможностью и проконсультироваться с высококласным профессионалом? Она словно электромонтер для моей любовной жизни.

— А что говорится в твоем профиле?

У Мелани телефон всегда в руке. Она может открыть приложение, не глядя на экран.

— В моем говорится: «Крайне требовательная двадцатидвухлетняя принцесса, наполовину японка, не привыкшая извиняться. Готова к приключениям. Никаких чмошников, маленьких членов, голодранцев или тоскливых дятлов».

Лично я не могу с полной уверенностью сказать, что никто из них мне категорически не подойдет.

— А что, если твоя родственная душа входит в одну из этих категорий? Нищий чмошник или... — Я задумчиво созерцаю банан и гигиеническую помаду у себя на столе. В мире полно самых разных вариантов. У меня под затянутыми в пучок волосами внезапно потеет шея.

Мелани качает головой:

— Не входит. Неужели ты веришь в существование родственных душ? Вот уж не думала. — Мелани смотрит на меня, открыв рот. — Твой секрет сделает тебя чуть романтичнее.

— Ты вовсе не обязана мне помогать. Я и сама справлюсь. — Я пытаюсь дать задний ход, но все, поезд ушел: Мелани решила оказать мне помощь на безвозмездной основе.

Мелани открывает чистую страницу своего глянцевого блокнота:

— Имя. Ты предпочитаешь Рут или Рути Мидона?

— Рути вполне сойдет.

Не так хорошо рифмуется. В школе учителя использовали меня как своеобразный черный ящик самолета, когда ненадолго выходили из класса и возвращались в натуральный дурдом, и с тех пор мое школьное прозвище — Правдивая Рут. Я была набожной девушкой в туфлях из благотворительного магазина. У моих одноклассников были пони и гидроциклы.

Мелани немного отвлекается:

— Ой, у меня сообщение. Я ставлю ему четыре балла из десяти. Вот видишь? Маленький член. — Она поворачивает ко мне экран телефона; там действительно член. Мне для масштабирования нужен банан или гигиеническая помада. Мелани с усмешкой готовит ответ. — Я всегда посылаю в ответ фотку члена зебры. Чтобы им было на что равняться.

Это фото она тоже мне показывает.

Интересно, а какой мужской член сможет набрать десять баллов из десяти? Внезапно меня осеняет, что нас за это смогут привлечь. Члены на рабочем месте. Сильвия будет в ярости.

— Нам пора хотя бы немного поработать. И у меня действительно нет времени ходить на свидания. — Я архивирую бумаги под буквой «С» — от слова «скука».

— У тебя определенно есть время. Будем реалистами. И как ты умудрилась выдержать шестнадцать лет на такой работе?

— А сколько, по-твоему, мне лет? — Я вижу, как Мелани критически рассматривает мою одежду. — Мел, я проработала здесь шесть лет. Не шестнадцать.

— Мой контракт лишь до Рождества, а это целая вечность. Без обид. — В ее голосе слышатся скорбные нотки.

— У меня есть лишний йогурт, если хочешь. — Самое умное, что я могу придумать в ответ.

— Боже, конечно да!

Мы находим в себе силы продолжать.

— Мне двадцать пять. — Этот факт меня почему-то слегка смущает.

— Двадцать пять. Ты всего лишь на три года старше меня. Как такое вообще возможно? — изумленно говорит Мелани, записывая цифру в блокнот, и, поняв, что ведет себя бестактно, поспешно поправляется: — Но зато у тебя хорошая кожа. Просто, управляя этим местом, ты стала слишком взрослой. Я ничего такого не имела в виду.

Пожалуй, я воспользуюсь форматом ее профиля на сайте знакомств.

— Неприхотливая двадцатипятилетняя деревенская девушка, привыкшая постоянно извиняться.

Мелани, насмешливо фыркнув, начинает постукивать шариковой ручкой по столу и, устремив на

меня критический взгляд своих темных глаз, спрашивает:

— С чего ты взяла, что ты неприхотливая?

— Посмотри на меня.

— Речь не о внешности. — Мелани проявляет великодушие. Я выгляжу нормально, хотя и совершенно заурядно. — Ты ведь не хочешь, чтобы парень прилип к тебе как банный лист? Чтобы постоянно присылал тебе сообщения, таскал по разным местам, осыпал подарками? Тебе нужно, чтобы парень был тобой одержим или чтобы оставлял тебе личное пространство? — Внезапно ее озаряет: — Упс! Тебя интересуют вовсе не мальчики. И это тоже круто.

— На самом деле я не уверена. — Увидев, что Мелани растерянно моргает, я уточняю: — Мне нравятся мальчики. Но я не хочу, чтобы какой-нибудь парень прилип ко мне как банный лист.

(Врушка. Я бы этого очень хотела.)

(Я так думаю.)

— А каким был твой последний бойфренд?

— Он был... — Мне ничего не приходит в голову, кроме того, что он был очень религиозным. Я молитвенно складываю руки в надежде, что Мелани поймет. — Давным-давно.

Мелани прищуривает один глаз:

— А поконкретнее?

Я не могу ответить на ее вопрос, не опасаясь, что прямо сейчас буду распята.

— Очень-очень давно.

Если бы это был фильм о подростках, там наверняка сделали бы монтажную перебивку парочкой сцен. Я, в платье для выпускного бала, танцую медленный

танец с Благочестивым Молодым Человеком с говорящим именем Адам. И далее идет перебивка, где мы полураздетые лежим в кровати. Адам отвернулся от меня, его плечи содрогаются от рыданий. Если вам кажется, что хуже не бывает, как вы отнесетесь к тому, что:

- Мой папа священник?
- Буквально на следующее утро Адам пришел к моему папе за консультацией?
- Тема консультации: грех, который Адам со мной совершил?
- Ага.

Проведение консультации со мной дали на откуп маме, и она сообщила, что папа крайне разочарован моим выбором. Он, очевидно, был настолько разочарован, что с тех пор мы с ним практически не разговаривали, а я уже больше не делала неправильного выбора.

— Ты собираешься снова выйти на авансцену любовных отношений. — Мелани записывает сказанное. — Я составила профиль для сайта знакомств всем своим друзьям. А также моей старшей сестре Женевьеве. Платье подружки невесты фисташкового цвета — вот и вся ее благодарность.

Помолвленная сестра? Это действительно рекомендует Мелани как крепкого профессионала. Хотя немного напоминает начало другого фильма о подростках, а у меня нет ни малейшего желания играть в нем главную роль.

— Только, ради бога, не размещай ничего без моего разрешения!

— Не буду. — Мелани настолько потрясена моей просьбой, что мне становится стыдно. — Мы с тобой составим график домашней работы, для начала совсем простой. И ты в конце концов окажешься в «Клетке» рядом с сексапильным парнем, который будет целовать тебя в шею. И мы не будем брать первого встречного. К тому времени, как я отсюда уйду, у тебя наверняка уже кто-нибудь появится.

Я обалдело таращусь на Мелани:

— Но это категорически невозможно.

— Нет ничего невозможного, если следовать Методу Мелани Сасаки. — Она записывает эту фразу и несколько раз подчеркивает. — Метод Сасаки. Броское название. Совсем как у книг в жанре «помоги себе сам». Звучит точно название сериалов Netflix. — Она успела продать права буквально через десять секунд после того, как ей в голову пришла идея.

Мелани не единственная, кто опережает события. Я все еще нахожусь в плену у концепции встречи с сексапильным парнем, целующим меня в шею. К тому времени, как Мелани сотворит чудо и уволится, я буду смотреть рождественскую серию своего любимого телесериала «Посланная небесами» на диване рядом с кем-то, кто захочет меня поцеловать. А почему бы и нет?

— Итак, ты в деле? Попробуешь Метод Сасаки? — Мелани широко улыбается. — Вот уж повеселимся.

Я из тех, кто считает, что утро вечера мудренее.

— А я могу немного подумать?

— Ладно. Жду ответа самое позднее в пятницу, к концу рабочего дня.

Сегодня понедельник.

Мелани поворачивается к компьютеру и начинает печатать. И только я успеваю подумать, что случилось чудо и она взялась за работу, как мне на почту приходит приглашение встретиться в пятницу в семнадцать часов. Тема? Естественно, «Метод Сасаки». Я нажала на «принято», и таким образом, разговор не закончен, а всего-навсего перенесен на другое время.

Глава 2

Мы съедаем по йогурту, и Мелани начинает вводить в систему новое положение для резидентов. Но теперь, когда она и впрямь приступила к работе, я вроде не прочь еще поболтать. День сегодня чудесный. Через открытую дверь офиса я вижу аккуратную дорожку, ведущую к жилью резидентов. Идеальные живые изгороди, изумрудная трава и тонюсенькая голубая полоска неба.

— Мне нравится вид, который открывается с рабочего места Сильвии.

Мелани, продолжая печатать, отвечает:

— Ты что, хочешь ее подсидеть?

— Если не случится ничего катастрофического, она, по ее словам, сможет со спокойной душой выйти на пенсию.

Полагаю, она хочет уйти на пенсию до того, как дела примут действительно серьезный оборот.

Девелоперская корпорация Прескотта (ДКП) купила «Провиденс» восемнадцать месяцев назад. Корпорация славится тем, что перепрофилирует свои приобретения, придавая им более гламурный вид. Станет ли «Провиденс» центром здоровья? Бутик-отелем?

Сценической площадкой для телевизионного реалити-шоу? Время шло, но ничего не происходило. Ни тебе визитов, ни звонков, ни бульдозеров. Но в итоге мы получили приказ на фирменном бланке ДКП: внести во все договоры аренды изменения с указанием нового срока ее окончания, а именно 31 декабря следующего года.

— Чудненько, — заявила мне миссис Уиттакер (та самая, с легендарными тремя бойфрендами), когда я занесла ей документ с изменением срока аренды. — Милочка, к тому времени я уже отоюду в мир иной. У тебя есть авторучка?

Отношение постояльцев варьировалось от жизне-радостно-наплевательского до настороженного, замешанного на теории заговоров, которая подпитывалась слухами. Члены семьи одолели офис истерическими звонками с вопросами, на которые у нас по-прежнему не было ответов. Не исключено, что к следующему Рождеству нам тоже придется паковать вещи.

Мы не оставляем попыток объяснить ДКП, что они сделали идеальное вложение, путем регулярной отправки финансовых отчетов и интересных вырезок из газет о нашем вкладе в местное сообщество. Однако корпоративный папочка слишком занят, чтобы заметить наши табели успеваемости с отличными оценками и безупречные концертные номера. Мы забытые первые ученики. Хотя меня пока все устраивает.

Мелани поворачивает голову:

— Ой, я слышу скутер! Чур, не я! Тебе идти.

— Помощь резидентам входит в твои обязанности. На самом деле это твоя первейшая обязанность.

— Они такие дряхлые, что у них даже кожа прозрачная. А я этого не переношу.

Мелани встает и с телефоном в руке направляется в туалет.

Я выхожу на улицу обслужить клиента, если можно так выразиться, прямо в транспортном средстве. И слышу пронзительный визгливый голос:

— За те деньги, что мы здесь платим, они могли бы что-нибудь сделать с золотистыми черепахами.

Мне навстречу с горки на всех парах несутся сестры Парлони. Лидирует Рената, старшая сестра. Ей недавно стукнуло девяносто один. Я бросила в ее почтовый ящик поздравительную открытку, и открытка, порванная на мелкие кусочки, вернулась ко мне. Все нормально: я предвидела, что Рената именно так и сделает.

— Осторожнее, это вымирающий вид, — отвечает Агата (Агги).

Агги моложе Ренаты, ей восемьдесят девять, и она совершенно права. Золотистые черепахи действительно вымирающий вид, причем они реально везде. В «Провиденсе» самая большая концентрация золотистых черепах на планете. Сестры виляют вокруг светодиодных светильников, разбросанных вдоль дорожки, и у меня сердце уходит в пятки.

— Если кто и является здесь вымирающим видом, так это я! — кричит ей в ответ Рената. — Из них нужно сделать гребни для волос.

Поравнявшись со мной, сестры жмут на тормоза. Из портативного радиоприемника Агги орет Бритни Спирс.

В свое время Рената была редактором журнала мод. Этот дьявол носит вещи никому не известных брендов. На YouTube можно найти кадры съемок с модного показа 1991 года, где Рената назвала Карла Лагерфельда Берни из фильма «Уик-энд у Берни» прямо в лицо. А он припечатал ее по-французски неприличным словом, однако Рената сочла это своим триумфом. *У него даже не нашлось креативного ответа.*

Журнала «В тренде или нет» давно не существует, но Рената полностью не отошла от дел. Я постоянно вижу на ней логотипы различных брендов.

Ее сестра Агги Парлони — моя икона стиля. Серый костюм, белая блузка, черные лоферы. Коротко стриженные седые волосы. Агги умная, подтянутая, здравомыслящая. Мы с ней прекрасно ладим. Агги по натуре довольно спокойная, хотя и производит много шума из-за своего радиоприемника. Местная радиостанция устроила конкурс: тот, кто назовет песню, которая прозвучит два раза в течение дня, получит 10 000 долларов. Агги не нужны деньги или случайные призы. Вся штука в этом «а что, если» между началом игры и получением приза, на которое под села Агги.

— Ну как, вам улыбнулась удача? — громко спрашиваю я.

Агги немного уменьшает звук и протягивает мне несколько конвертов. Конверты, с уже наклеенными марками, готовы к отправке с дневной почтой. В письмах, наверное, заметки на двадцать пять или меньше слов. Соберите десять купонов. Назовите эту яхту, чтобы получить шанс выиграть.

— Мне действительно кое-что привалило, — небрежно говорит Агги, вроде как заранее ожидая подначку.

— Она выиграла фрисби, — хмыкает Рената. — Попросим соседей его побросать. Сломаем парочку бедер.

У меня перед глазами тут же материализуется сей мысленный образ.

— Я еще чем-нибудь могу быть вам полезна?

То, что они не тащат на буксире своего помощника, — очень плохой знак.

Рената улыбается и становится воплощением зла.

— Нам нужен новый.

Я точно знаю, что она имеет в виду.

— А что случилось с Филиппом?

Она пропускает мой вопрос мимо ушей, сдвигает на нос солнечные очки — так невозможно, как мне и не снилось, — и устремляет взгляд на пустое кресло Мелани:

— А где твоя хорошенькая азиатская прислуга? Или это не политкорректно? Вдохновившись ею, я заказала миленький черный парик.

— Вы определенно не можете ее так называть. — Я выразительно смотрю Ренате прямо в глаза. — Что касается парика, Мелани будет весьма польщена. В данный момент она проверяет в туалете свои социальные сети.

Хмыканье Ренаты действует на мое кровообращение, словно наркотик. В «Провиденсе» это равнозначно тому, чтобы рассмешить самую популярную девочку в школе.